

НАША СТРАНА

Год издания 37-ой, Буэнос Айрес, суббота 30 марта 1985

'NUESTRO PAIS'

Buenos Aires, sábado 30 de marzo de 1985 No. 1809

МЫСЛИ В СЛУХ

П Р Я М Ы Е В Ы Б О Р Ы

Если известный юридический формализм, присущий западно-европейской культуре (в свою очередь заимствованный ею от римлян), явился как бы основанием для возникновения формализма политического, то развитие последнего было обусловлено также и необходимостью прикрыть власть покровом легитимности, в современном ее восприятии. В частности, так постепенно заострилось значение самого акта голосования, как оправдывающего и все разрешающего политического акта.

Этот процесс фактической абсолютизации прямого голосования можно проследить по возрастающему отметанию всех иных методов отбора народных представителей и определения народной воли. Самым ярким примером в этом отношении, является игнорирование в некоторых странах конституционных норм, предписывающих отбор главы государства путем ступенчатых выборов.

Например, в США конституция предписывает выборы президента специальной коллегией избирателей. В дискуссиях во время выработки этой конституции, даже было высказано мнение, что "было бы также неестественно отдать народу выборы президента, как доверить слепому выбор цветов" (Мейсон).

Избиратели президента должны выбираться по штатам, в количестве соответствующем количеству сенаторов и представителей от каждого штата. Затем, эти избиратели должны собраться тоже по штатам и проголосовать за двух человек. В двух первых выборах решение было не трудное, так как все соглашались с кандидатурой Вашингтона. Но когда наступило время выбирать третьего по счету президента в 1796 г., "появились партийные организации в национальном масштабе, и избиратели перестали иметь собственную волю". (Притчетт). В настоящее время, выборы президента США проводятся как будто бы они были прямыми, так как все кандидаты в избиратели заранее публично обязываются подать свой голос за того или иного кандидата в президенты. Таким образом, с одной стороны создается фикция прямых выборов, в то время как в действительности конституция предписывает выборы не прямые. С другой стороны, создается фикция исполнения конституции, так как формально проводятся выборы избирателей, а не самого президента, хотя все в действительности голосуют не за избирателей, а за самого президента.

Во время недавних выборов в Бразилии велась весьма интенсивная кампания за то, чтобы впредь эти выборы были прямыми, а не косвенными, что и было обещано. Реформа 1949 г. аргентинской конституции тоже вводила прямые выборы президента, вместо двух-ступенчатых выборов как в США.

И. А.

И. Е. БОРЖАНСКИЙ

ПО ПОВОДУ СКАЗКИ

Пишущему эти строки всегда казалось весьма вероятным, что, например, такие известные детские стихи Корнея Чуковского как "Тараканище", являются, одновременно, скрытой политической басней.

"Тараканьи усы", — не указывают ли что речь идет об усатом Сталине?

Вспоминается Булат Окуджава и его песня-басня про "Усатого кота". Но есть и нечто более определенное. Как известно, зощенковский рассказ "Приключения обезьяны" и его повесть "Перед восходом солнца" вызвали партийный гнев. В них был усмотрен скрытый политический умысел. В своей статье о Зощенке, современный диссидент Владимир Войнович усматривает, однако, и другое: "Говорят, была и другая причина, может быть более существенная: Сталин, встретив в одном из старых рассказов Зощенко какого-то усатого персонажа, решил, что речь идет, конечно о нем. Генералиссимус был, как известно, человеком мнительным и во всякой усатой твари, включая "Тараканище" К. Чуковского, узнавал себя" ("НРС" от 2 сентября 1984).

Известны нам и стихи Осипа Мандельштама, уже совсем ничего не скрывающие:

Тараканьи смеются усища,
И сияют его голенища.
Что ни казнь для него — то малина
И широкая грудь — осетина...

Роман Гуль в книге "Одевкунь" (стр. 215) сообщает что автор читал эти стихи приятелям, и за это его замучили голодом, нищетой, тюрьмой, допросами и под самый конец — концлагерем.

Итак, если теперь считать подобный тезис более чем правдоподобным, то нам остается раскрыть полный смысл "Тараканища" Чуковского. Приводить полностью не будем, — каждый может сам припомнить. Как известно, жили звери спокойно, пока вдруг не появился

из подворотни
страшный великан
рыжий и усатый Таракан!
Он рычит и кричит:
"погодите, не спешите,
я вас мигом проглочу!
проглочу, проглочу, не помилую!"

В мире животных начался террор.

Никто не смел выступить против Таракана. Кое-кто и попытался, но ничего не вышло. Какой-то слой населения просто попятился назад ("раки" в стихотворении). Советские активисты, спасая свою шкуру, начали один под другого подкапываться: "волки от испуга — скушали друг друга". А другие — "лишь увидя усача, звери дали стрекача".

У Зощенки, обезьяне — воспользовавшись войною — удалось выскользнуть из клетки Зоологического сада и оказаться на свободе.

У Чуковского то же самое:

а лихие обезьяны,
подхватили чемоданы
и скорее со всех ног — наутек.

Впрочем другие звери бегут и без чемоданов. Перед нами иллюстрированное издание этих стихов. Рисунок бегущих обезьян самый нам близкий и понятный: лишь бы вырваться! Другие звери остались. Всем неохота сразиться со зверем-тараканищем:

Мы врага бы
на рога бы,
только шкура дорога
и рога нынче тоже не дешевы...

Как известно, стихи заканчиваются неожиданно — просто:

Только вдруг из-за кусточка, из-за
синего лесочка,
Из далеких из полей — прилетает
воробей.

Прыг да прыг, да чик-чирик,
взял и клюнул таракана — вот и
нету великана.

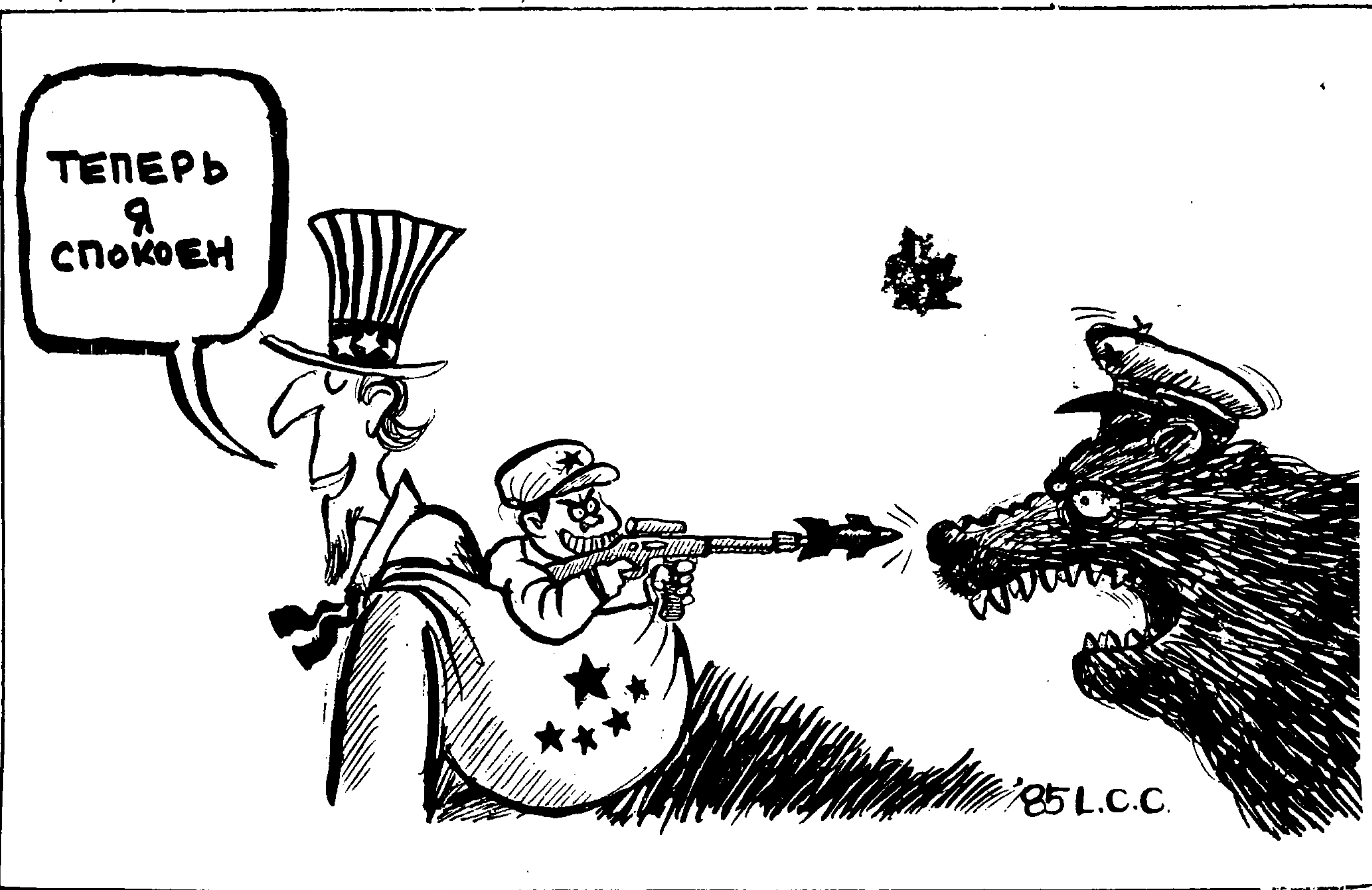
Подделом великану дасталось, и усов
от него не осталось...

Теперь встает вопрос: кто же этот "Воробей"? Может быть приехавшие из России нам это объяснят? Впрочем возможно, что в СССР и на это был дан ответ. Предлагаю свое объяснение. В издании 1972 года воробей нарисован в русской рубашке-косоворотке. Не символ ли это русского народа?

Как известно, Корней Чуковский писал эти стихи задолго до смерти Сталина. Если принять версию, что последнего ликвидировал Берия, то "пророчество" этой басни не исполнилось. Это, скорее, один волк скушал другого, а не народ избавился от тирана.

Остается ждать исполнения этого "пророчества" в ином аспекте: народу предстоит избавиться не от той или иной гнусной личности, а от самой идеи. От поработившего страну марксизма-коммунизма. А это видно и у Чуковского: напомним, что речь у него с самого начала шла именно о рыжем Таракане — то есть красном!

И. Е. БОРЖАНСКИЙ

Ю. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

«ВЫ НЕ ЗАБЫТЫ...»

ОБРАЗ БЕЛОГВАРДЕЙСКОГО ОФИЦЕРА В СОВЕТСКОМ КИНОМАТОГРАФЕ

В 1983 г. на Запад просочился весьма необычный самиздатский текст — «Открытое письмо участникам Белого движения». Это письмо было прочтено на 35-ой посевской конференции в 1983 г. во время дискуссии за Круглым столом на тему «Россия и эмиграция» (см. «Посев» № 11, 1983 г.). Письмо датировано декабрем 1982 г. — в этот момент его автору было 22 года. Свое письмо он начинает словами:

«Я не уверен, что это письмо успеет дойти. Все меньше вас остается в живых. Но я шлю его, может быть, вопреки здравому смыслу, с одной только надежде еще хоть кого-нибудь застать».

Далее молодой москвич пишет о том, что в России происходят «странные вещи»:

«В среде моих друзей привычные ценности сдвинулись. В наших разговорах, в песнях, которые мы поем, не красные выглядят героями. Наши сердца, наше сочувствие — на стороне белых... Офицеры Белой армии все больше становятся для нас образцом чести и благородства».

Отмечая, что уже в прежнем поколении легендарный комбриг Чапаев стал «посмешищем», молодой автор убежденно заключает: «Вот он, суд народа».

Такое переосмысление значения Белого движения автор объясняет следующим образом: «Мы — внуки красноармейцев и комиссаров (я лично — правнук командира красного полка). Оглядываясь вокруг и задумываясь, мы начинаем с ужасом осознавать, в какую пропасть большевики завели народ». И заканчивает письмо словами:

«Мы жалеем, что вы не победили. Мы не упрекаем вас. Вероятно, вы сделали все, что могли. Мы благодарны вам за это. Если вы верите в Бога, помолитесь за нас!»

А вот еще одно свидетельство распространенности такого отношения к Белому движению в среде советских инакомыслящих, по крайней мере молодых инакомыслящих. 18 апреля 1983 года ленинградское телевидение показало передачу «В паутине лжи», о суде над Ростиславом Евдокимовым и Вячеславом Долининым 4 апреля 1983 г. Один из телеспектакль, сказал друзьям на Западе по телефону: «Евдокимов держался с достоинством, как показывают белогвардейских офицеров в кино». 1)

Именно это высказывание побудило меня обратиться к советскому кинематографу в поисках «виновника» происшедшей в умах части советской молодежи перестановки привычных ценностей. Как случилось, что «красные герои» стали «посмешищем, героями похабных анекдотов», а белогвардейские офицеры — идеалом героизма, убежденности, благородства? Какую роль сыграло в этом кино, «из всех искусств важнейшее», по выражению В. И. Ленина? Я попыталась проследить трансформацию кинообраза белогвардейского офицера в советских революционных фильмах разных лет.

Первые фильмы о революции и гражданской войне появились в советском кинематографе уже во время самой гражданской войны,

в 1918-19 годах. Специально созданные «агитационно-инструкторские поезда и пароходы ВЦИК» выезжают в прифронтовые районы и демонстрируют под открытым небом, в агитвагонах, на палубах агитпароходов короткометражные агитфильмы: «Красноармеец, кто твой враг?», «Под ружье!». Кинокритик Н. Лебедев в своей работе «Очерк истории советского кино» отмечает плакатный схематизм этих лент и их героев, в том числе «врагов».

В 20-е годы кинематограф усложняется, кино становится звуковым, в нем работают уже в основном профессионалы, а не «агитаторы», командированные советской властью. Но образ «врага», белогвардейца, интервента и т. п. остается схематичным, однозначно отрицательным. Таков, — пишет в упомянутой книге Лебедев, — «остросатирически поданный отрицательный персонаж: глупый, жестокий, трусливый полковник» в «Потомке Чингис-Хана» В. Пудовкина, белогвардейцы-звери в «Бухте смерти» А. Роома.

Перелом в развитии образа белогвардейца на экране начинается уже с фильма братьев Васильевых «Чапаев». Рядом с Василием Чапаевым, фольклорная судьба которого так неудачно сложилась в последние десятилетия, выступают уже не «злодеи в погонах», а «люди культурные, дисциплинированные», хотя они в изображении авторов фильма явно служат «тому, что отжило свой век». Сцена «психической атаки», несмотря на поражение белых, на лихую контратаку чапаевцев, уже разбивала привычную схему, заставляла зрителей испытывать тайное уважение к изображаемым «врагам».

Но первым фильмом, «реабилитировавшим» образ белогвардейского офицера на советском экране — только психологически, конечно, ни в коем случае не политически! — был кинофильм Г. Чухрая «Сорок первый» по рассказу Б. Лавренева, поставленный в 1956 году, с очень красивым актером О. Стриженовым в главной роли. Киновед С. Фрейдлих исследует трансформацию образа главного героя от ранее снятой (в 1937 г.) ленты Якова Протазанова до фильма Чухрая:

«Он решается (у Я. Протазанова. — Ю. В.) как «отрицательный герой», которого в противовес Марютке, «положительной героине», режиссер считает своим долгом всячески унижить. Так, когда после изнурительного похода отряд жадно набросился на пищу, Отрок незаметно вытирает засаленные пальцы о гимнастерку красноармейца, сидящего рядом с ним. Намерение режиссера понятно, но оно выполнено средствами, недалеко ушедшими от приемов агитфильма».

Несколько сложнее решается тема в картине Г. Чухрая. Здесь конфликт не упрощен. Создатели фильма не лишают Говоруху-Отрока того, чем его наградила жизнь: культуры, храбрости, верности долгу». 2)

И вот, начиная с 1956 года (здесь уместно вспомнить, что это год двадцатого съезда КПСС), на советском экране происходит постепенная замена типажного «золотопогонника»-врага на тот самый романтизированный образ благородного офицера, на которого сослался молодой ленинградский диссидент, желая похвалить поведение политзаключенного Ростислава Евдокимова. Эти роли теперь исполняются наиболее популярными актерами. В фильме «Служили два товарища» на роль белогвардейца приглашают В. Высоцкого, и он блестяще ее исполняет, вызывая жаркую любовь кинозрителей к своему герою.

В журнале «Искусство и кино» (№ 8, 1970 г.) хвалят актера В. Стрельчика за выполнение роли белогвардейца Ковалевского:

«... его актерская работа заслуживает высокой оценки. Тяжелая, усталая походка, умный понимающий взгляд исподлобья, благородная, достойная сдержанность».

А вот высказывание известной советской киноактрисы Людмилы Гурченко об актерской работе Михаила Глузского:

2) С. Фрейдлих, «Принципы историзма и партийности в киноведении», «Вопросы киноискусства», выпуск 2, М., 1957, стр. 42.

ПАСТЫРЬ

К 20-ой ГОДОВЩИНЕ КОНЧИНЫ АРХИМАНДРИТА
НИКОДИМА (УГОДСКОГО)
(6-го МАРТА)

Двадцать лет срок не малый, но ярко встает перед внутренним взором образ любимого пастыря, и хочется обратиться непосредственно к нему: батюшка, отец Никодим, не умели мы достойным образом ценить тебя, не смеем и правильно описать тебя. Твоя скромность и сдержанность не давали нам заглянуть в глубину твоей сути, но душами мы чувствовали нечто возвышенное в тебе, а сердцами воспринимали твою любовь и доброту, которые сами по себе уже подвигали к исправлению жизни. Однако, когда это требовалось, ты умел проявить и твердость и строгость.

Особую тишину отметил в тебе о. архимандрит Константин, а мы отметим великое смирение! Мало кто на похвально-благодарственные слова, написанные к юбилею, скажет так, как ты: «Я так это истолковал: знай, мол, окаянный Никодим, каким ты должен быть!» А на самом этом поздравлении, правящий архиерей, после твоей кончины, нашел твою надпись, для себя одного сделанную: «Не нам, не нам, но Имени Твоему даждь славу! Таким бы должно быть Никодиму, но к сожалению он не таков...» Так ты использовал всякое обстоятельство для смирения себя, для очищения и спасения души! И нас ты тому же учил, говоря: «Смиряться, а то Господь начнет смирять, и это будет тяжело».

Но высшая степень смирения проявилась в пяти, искренно сказанных словах: «Меня ругают, а я радуюсь». Верим, что за это твое смиренное терпение ты сподобился «войти в радость Господа своего». Не даром, перед самой кончиной, твое страдальческое лицо прояснилось, озарилось глядя направо вверх, явно видя нечто светлое, отрадное!

«Во второй серии «Тихого Дона» была потрясена исполнением роли белогвардейского офицера. Смерть за Россию он принимает легко, с вызовом: «Смотри, как умирает русский офицер!» Да, это сильный человек».

И на всякий случай добавляет: «Жаль, что он не принял революции». И снова — по существу, искренне: «А актер к этой роли шел длинным путем. Все остальные были лишь долгим преддверием к ней». 3)

Интересно отметить, что возвращение некоторых режиссеров к традиционному типажу «белогвардейца-врага» критикой встречается неодобрительно. Характерно выступление Н. Игнатьевой, написавшей в статье «Обидные потери» («Экран 1972-1973», М., 1974) по поводу экранизации пьесы Тренева «Любовь Яровая»:

«Поручик Яровой (актер В. Лановой), пожалуй, единственный в фильме из лагеря белых, к кому можно относиться серьезно... потому, что неубедительны остальные враги, представленные либо в комедийно-развлекательном плане, либо в рамках традиционной схемы».

Я умышленно не обращаюсь здесь к экранизации М. Булгакова и А. Толстого, поскольку это уже касается более литературы, чем кинематографа, хотя в этих экранизациях герои «Белой гвардии» также могли заставить молодых кинозрителей задуматься над историей революции.

В заключение затронем еще одну сторону проблемы, которой коснулся на Посевской конференции участник Круглого стола писатель Георгий Владимов. Он признает, что в современном сознании меняется отношение к Белой армии:

«Действительно, происходит некий пересмотр отношения к Белому движению. Действительно, и песни сочиняются, и в кино приглашаются весьма обаятельные актеры», но все равно остается вопрос, почему «Белая армия проиграла?»

И Владимов, тоже отражая умонастроения в современной России, вновь ставит задачу: «Необходимо это исследовать, говорить не только другую сторону правды, противоположную советской правде, но говорить всю правду».

Вероятнее всего, что самостоятельно разобраться в трагедии Белого движения советская молодежь не сможет — нет источников информации, архивы недоступны, а живых свидетелей действительно почти не осталось. Именно поэтому сегодня важно писать и говорить, издавать книги на эту тему. Но как бы то ни было, и какие бы политические ошибки не допустили белые воины в гражданской войне, трудно не согласиться с автором письма участникам Белого движения:

«Время, история и, возможно даже, большинство русского народа были на стороне коммунистов».

Правда, честь и Россия — были на вашей стороне».

Ю. ВОЗНЕСЕНСКАЯ
«Посев», февраль, 1985

1) «Посев» № 6, 1983, стр. 8.

3) Л. Гурченко «Профессия — актер», «Экран 1980-1981», М., 1983.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

БИБЛИТЕКА ИМЕНИ ГОГОЛЯ

Нам пишут из Рима:

Е. А. Вагин предал гласности свое "Открытое письмо" редакции журнала "Посев", а котором он указывает, что "направляет его в редакции важнейших русских газет и журналов".

В этом открытом письме, Е. А. Вагин отвечает на статью "Прискорбные события в библиотеке имени Гоголя в Риме", опубликованную в 1-м номере "Посева" за этот год, и, согласно Вагину, основанную на "Сообщении для печати" В. Н. Дюкина и К. Риччо. Большие выдержки из этого "Сообщения" были даны в "Политической хронике" в № 1795 "Нашей Страны", от 22 декабря 1984 года.

В свою очередь, вот некоторые выдержки из "Открытого письма" Е. А. Вагина:

... "Когда я был приглашен (В. Н. Дюкиным) быть заместителем Директора Библиотеки — в 1979 году — книг, действительно, было "всего лишь около 15 тысяч". При этом Директор постоянно жаловался на непрекращающуюся пропажу ценных изданий. Факты прямой кражи — с последующей продажей — библиотечной литературы зафиксированы в протоколах заседаний Правления (например, протокол от 4 марта 1976 года). Именно поэтому, как только руководство библиотекой перешло ко мне, я установил новые замки — на дверях и книжных шкафах. Исчезновение книг прекратилось.

Я лично считал (и писал об этом неоднократно в зарубежной русской прессе), что подлинная ценность Русской Библиотеки им. Гоголя в Риме — не в мифических "старинных книгах". Истинное ее значение заключалось в том, что это был — русский культурный центр, который давал возможность знакомиться с неизвращенной историей России, отечественной культурой прошлого, с лучшими произведениями эмигрантской литературы на русском языке. Для тысяч новейших эмигрантов из СССР в 70-е годы материалы Библиотеки имени Гоголя (книги, газеты, журналы, альбомы) открывали глаза на прошлое и настоящее нашей родины. Для многих итальянских студентов-славистов здесь можно было получить не только необходимую литературу, но и консультацию: этим я лично занимался все последние годы — будучи, между прочим, тоже профессором русского языка и литературы, вначале в Венецианском университете, а затем в Перудже.

Хочу особо подчеркнуть самое важное, на мой взгляд, обстоятельство. Я писал в статье в газете "Новое Русское Слово" (28-2-1982), обращаясь за помощью к бывшим читателям "в связи с трудностями предстоящего переезда": "Особенностью Русской Библиотеки им. Гоголя в Риме было и остается то, что за все время своего существования она оставалась совершенно независимой — как в политическом, так и в материальном смысле: независимой от Итальянского государства, существующей благодаря помощи некоторых друзей русской культуры"...

... Далее в статье "Посева" находим... "справку", неизвестно на чем основанную: "В 30-е годы библиотека была поставлена под защи-

ту закона по охране исторических и культурных памятников страны". Действительно, во времена Муссолини был принят такой закон, но на Русскую библиотеку он никак не распространялся: она не была "прикреплена" ни к какому официальному учреждению. Еще в 60-е годы в телефонных справочниках Рима она фигурировала, как "частная библиотека кн. Романовского". Вспомнили об этом законе, привязав его к Русской библиотеке — только в августе минувшего года, после лихорадочных маневров итальянских друзей г-на Тимофеева. Как сообщила римская газета "Мессаджеро" 26 ноября 1984 года — только в эти дни Министерство по охране культурных ценностей нотифицировало декрет, на основе которого Библиотека была объявлена представляющей исторический и художественный интерес, то есть — взята под охрану государства. Это значит, что Библиотека имени Гоголя — *перестала быть русской*, ушла окончательно из русских рук...

... До моего незаконного смещения с поста Директора в Правлении было всего два итальянца, и существовало правило, поддерживавшееся русским большинством (в которое входил тогда и г-н Тимофеев), что следует избегать расширения состава Правления за счет итальянцев. Это не было дискриминацией, — читателями Библиотеки в последнее время были почти исключительно итальянцы — но необходимой мерой для сохранения самостоятельности и независимости Русской библиотеки. Сейчас положение изменилось.

Должен сказать, что в изложении безымянного автора статьи, положение в Библиотеке представляется почти идиллическим — "встал вопрос о подыскании для библиотеки нового помещения". На деле же ситуация сложилась трагическая, под угрозой оказалось само существование Библиотеки. Хозяин помещения отказался возобновить контракт, что случилось в ноябре 1980 года; тогдашний Директор Библиотеки В. Н. Дюкин серьезно заболел, и с перерывами два года лежал в больнице; большинство членов Правления (видимо, в силу почтенного возраста) делами Библиотеки не интересовались, собрания не посещали и членских взносов не платили. Фактически все хлопоты, связанные с нахождением нового помещения, легли на меня, причем никто мне не помогал. Г-н Тимофеев только демонстрировал живой интерес к моим поискам, но, видимо, слишком был занят своими собственными делами. Достаточно сказать, что он не был ни на одном из трех судебных заседаний, посвященных рассмотрению вопроса с квартирой.

Я был убежден (и сейчас считаю, что это было единственно верное решение), что Русская библиотека должна найти пристанище при Русской Православной Церкви в Риме. С этой целью я три года подряд безуспешно пытался получить в аренду церковный флигель, во дворе нашей римской церкви — его много лет занимают итальянцы, и притом за бесценок...

... Пытался я вести переговоры и в Городском Совете Рима; без особенной, впрочем, надежды. Еще в 1973 году Правление Русской библиотеки обратилось с просьбой о предоставлении помещения за невысокую плату к тогдашнему мэру города К. Дарида (который перед этим выразил согласие — в ответ на приглашение Правления — быть избранным Почетным членом библиотечной Ассоциации). Ответ, зачитанный на заседании 10 апреля 1973 года, был

вежливый, но отрицательный... Тогда мэр Рима был — депутат христианско-демократической партии; нынешний мэр — коммунист. Я попросил известного историка культуры и публициста проф. В. Страду обратиться в городское управление с просьбой помочь нашей Библиотеке в ее критическом положении. На письмо В. Страды от 22-12-1981 года никакого ответа не последовало. Не помогли и организованные мною сборы подписей под Обращением о помощи Библиотеке. Несколько раз я был на приеме в Капитолии, но получал только туманные обещания. Наконец, мне удалось добиться возможности посмотреть две пустующие квартиры; я немедленно написал заявления — но и они остались без движения.

Еще раз хочу подчеркнуть, что в этих поисках новой квартиры мне фактически никто не помогал, хотя многие были щедры на обещания. Поэтому я и смею утверждать, что я не просто "высказал мнение, что помещение найти нельзя" — как говорится в статье "Посева"; я в этом убедился. Как убедился (не в первый уже раз) в полном бездействии Правления Библиотеки. Все проблемы, связанные с поисками нового помещения, я обсуждал при встречах и по телефону исключительно с двумя лицами: В. М. Дюкиным и А. П. Тимофеевым. Они были в курсе всех моих начинаний и предложений...

... Проект вывоза Русской библиотеки им. Гоголя за границу обсуждался мною неоднократно и с Дюкиным, и с Тимофеевым, говорилось об этом проекте и на заседании Правления весной 1983 года. Я исходил из того, что русское имущество должно оставаться — в русских руках. Поскольку наша православная церковь в Риме категорически отказалась сдать нам помещение в аренду, и поскольку не только в Риме, но и вообще в Италии нет никаких других русских организаций (да и русских почти не осталось) — оставалось подумать о передаче библиотечного имущества (не только книг) на временное хранение в Швейцарию или Германию. В предварительном порядке я запросил владыку Марка, не мог ли бы он выделить для материалов Библиотеки помещение в православном монастыре под Мюнхеном. Оказавшаяся в Риме В. А. Самсонова — давний работник Толстовского фонда — дала мне совет: подумать о возможности передачи Библиотеки им. Гоголя в русскую Толстовскую библиотеку в Мюнхене. Мой проект, который я мотивировал невозможностью найти решение проблемы в Риме, сочувствия у членов Правления не встретил. Но и ничего конкретного никто из них взамен мне предложить не мог. Между тем, судом был уже определен день выселения Библиотеки с полицией: 31 октября. (Забегая вперед, скажу, что выселение так и состоялось — с полицией — после двух отсрочек — 31 января сего года; при этом *не присутствовал* ни новый Директор, и ни один из членов "обновленного" Правления Библиотеки).

К неизбежному вывозу Библиотеки из старого помещения я, как ответственный за ее имущество, начал готовиться заблаговременно. Не в июле, как утверждает в статье, а еще в мае месяце Библиотека была закрыта для посетителей и началась упаковка книг. В этом мне помогал сотрудник библиотеки, работавший в ней с согласия американского фонда и получавший зарплату — гражданин США С. В. Немчинов. Об этом прекрасно знают авторы "Сообщения для печати" и особенно

г-н Тимофеев...

... Не желая, чтобы книги Русской библиотеки были выброшены на тротуар (или присвоены кем-то для себя) и не видя никакой реальной альтернативы, я окончательно решил перевозить их — в Германию, считая это единственным путем спасения русского достояния. Мне пришлось отказаться от первоначальной идеи воспользоваться гостеприимством русского монастыря в Мюнхене — после того, как туда начал названивать г-н Тимофеев, распространяя обо мне всяческие небылицы. Я принял предложение РНО в Мюнхене, председатель которого О. А. Красовский согласился на временное хранение материалов Русской библиотеки им. Гоголя, до окончательного решения ее дальнейшей судьбы. Стремясь хоть немного сэкономить из библиотечных средств, — выехав до определенного судом срока выселения, — я начал перевозить Библиотеку к себе домой (ибо не было никакого другого помещения), и уже отсюда часть материалов отправил в Германию под расписку. Мною руководило единственное желание: спасти Русскую библиотеку, как таковую, как независимый культурный центр (видимо, последний, оставшийся еще у русского меньшинства эмиграции). Я полагал, что имею полное право поступать так, ибо не преследовал целей присвоения, продажи или разбазаривания библиотечных материалов...

... Вообще, апелляция к "демократии" и коллегиальности со стороны Дюкина и Тимофеева есть чистая демагогия: в последние годы Правление библиотеки было чисто формальным органом, ничего не решавшим и практически бездействовавшим. В частности, финансовый отчет производился не перед Правлением, а перед американским фондом, посылавшим деньги на содержание Библиотеки. Перед ним отчитывался и Дюкин, в бытность свою Директором, также поступал и я. Никакого "присвоения" мною библиотечных средств не было; напротив, я отослал обратно чек на пять тысяч долларов, присланный на нужды перевоза, но неиспользованный мною...

... Мне не хочется заниматься ответными обвинениями лиц, которые нанесли мне громадный и невосполнимый моральный ущерб. Предоставляю читателям российского Зарубежья судить, насколько уместным было обращение в полицию с кляузой, нелепее которой трудно что придумать. Кляуза, подписанная Дюкиным (но продиктованная 84-летнему инвалиду другими лицами) гласила, что сей старый пенсионер не может попасть в снимаемую им квартиру, так как некий проходimeц — Вагин — поставил новый замок на дверях... А дело в том, что все последние годы съемщиком квартиры числился Дюкин, и ее назначение определялось, как "частная (!) библиотека" (см. расписки хозяина о получении квартплаты)...

... Спустя две недели, 30 августа утром ко мне домой пришли карабинеры с мандатом прокурора, в котором говорилось о "незаконном присвоении" библиотечного имущества. Я пояснил, что имущество было перевезено мною из библиотеки в связи с ее выселением, и что частично оно передано в Германию, в подтверждение чего передал фотокопии расписок о принятии на временное хранение (все это было внесено в протокол). Упакованные (приготовленные для перевоза) книги и другие материалы карабинеры забрали с собой...

ТРИБУНА ЧИТАТЕЛЯ

В ЧЕМ РУССКАЯ СИЛА

Я уважаю все русские эмигрантские газеты и журналы, издающиеся на плохой бумаге, ибо эта бедность свидетельствует о душевной полноте и идейной убежденности. Жаль, что большинство экземпляров этих газет и журналов погибнет, не достигнув рук русских историков 21-го века.

От крови исходить надо, от родства.

Матушка-Россия есть рослая ясноглазая старуха в *плате узорном до бровей*. Слова эти врезались в

сердца всех подсоветских гимназисток и от этих слов исходить надобно.

Неужто может Матушка-Россия богомерзостные синие штаны носить, или шляпку с финтифлюшками? *Ни в жисть!*

А Государь есть старший сын Матушки-России.

Сила Матушки-России — не в педантической письменной или словесной конституции, но в шепоте леса, в грае воронов и клекоте орлов, в бессловесной образности, символике и обрядности, хватающей за сердце всех Матерей-Домохозяек, носящих почтенное облачение Матушки-России — *плате долго-*

полное и плат узорный до бровей.

Кольхание трав, бескрайность и безмерность...

А из бескрайной уступчивости слегка всхолмленного манящего вдаль ландшафта и из полноты сил — жаркие споры и кровавые раздоры; и покаяние и примирение... Матушка! Роденькая! Спаси нас сизмальства от многосидения и от учености чрезмерной! Залопотались мы зело. Вразуми нас. Примири нас.

П. Журавлев (Германия)

КОНТУРЫ БУДУЩЕЙ РОССИИ

Обращаюсь к редакции "Нашей Страны" с просьбой: укажите мне, пожалуйста, книгу или какое-нибудь

издание, где речь была бы не только о нашем гордом и горьком прошлом, но где были бы изложены мысли о будущем, первом после свержения коммунизма, государственном строе России. Как он будет осуществлен?

Я теряюсь, когда стараюсь вообразить себе, кто и как будет править нашей родиной, где душа людей — хоть и часто самая чистая — но все же со "злокачественными наростами" после десятков лет самых чудовищных "прививок", пусть даже отброшенных народом.

М. А. Властелица (США)

От редакции: В первую очередь мы можем порекомендовать следующие труды Ивана Солоневича: 1-ая и 2-ая части "Народной Монархии" (Буэнос Айрес, 1973), "Что говорит Иван Солоневич" (Буэнос Айрес, 1954) и "Материалы к тезисам Народно-Монархического Движения" (Париж, 1958).

П. НЕСТОРОВ

Политические перспективы

СЕНСАЦИЯ И НЕКОТОРЫЕ АНАЛОГИИ

В середине марта с. г. в Англии вышла в свет книга бывшего высокопоставленного служащего британского министерства обороны Клайва Понтинга, под названием "The right to know" ("Право знать"). Книга эта явилась своего рода сенсацией, так как она разбирает две актуальные сейчас в Англии темы: методы английского правительства для манипулирования информацией и дело потопления аргентинского крейсера "Генерал Бельграно".

Клайв Понтинг был оправдан в прошлом месяце одним английским трибуналом в обвинении о раскрытии государственных секретов, касающихся Мальвинской войны. На суде он утверждал, что исполнительная власть не может себя полностью отождествлять с государством, а следовательно законы запрещающие разглашение государственных тайн не могут относиться к информированию членов парламента о правительственных делах.

Как известно, в Англии существуют с конца прошлого века жесткие законы, запрещающие всякое разглашение государственной информации в печати, если эту информацию само правительство определяет как секретную. Эти законы приняли окончательную форму еще до начала Первой Мировой войны. Так как многие считают такое законодательство противоречащим свободе

печати, давно делаются усилия, чтобы его отменить или, по крайней мере, смягчить. Сама Татчер когда-то обещала что-то предпринять в этом направлении, но за 6 лет своего правительстве до сих пор ничего не сделала.

В своей книге Понтинг раскрывает сложную английскую правительственную систему обращения с информацией и дезинформацией, как по отношению к внешним врагам, так и по отношению к собственному народу. В секретных собраниях между министрами и "мандаринами" (высшими чиновниками), и при помощи секретных меморандумов, разбираются разные политические альтернативы в полной изоляции от общественного мнения.

Публикация этой книги невольно воскрешает память об аналогичных разглашениях в вышедших после Второй Мировой войны воспоминаниях одного лейбористского министра коалиционного военного правительства Англии о структуре и внутренней организации правительства и высшего правительственного аппарата Англии, которые были до тех пор в большей части засекречены.

Все это также невольно наводит на мысли о длинном ряде аналогий между английской и советской технологией в некоторых областях политики. (Идея концлагерей, насильное перемещение людей, засекреченность внутренней работы высших правительственных сфер, тесная связь между разведкой и дипломатической службой и, как теперь выясняется, методология для манипуляции информацией и дезинформацией).

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРЕВОСХИЩЕНИЕ В "НАШЕЙ СТРАНЕ"

Что касается полемики вокруг дела о потоплении аргентинского крейсера "Генерал Бельграно", Понтинг подтверждает, что он был потоплен по приказу самого правительства Англии, в то время когда он не только не находился в военной зоне, но и направлялся в сторону материка, удаляясь от этой зоны,

провозглашенной самим английским правительством, для того чтобы сорвать перуанское предложение мира.

Особенно интересными являются утверждения Понтинга о реальных причинах углубления мальвинского конфликта: британский флот хотел доказать свою ценность, для того чтобы избежать надвигающихся жестких бюджетных сокращений. Понтинг пишет, что британский флот боялся лишь одного: "совершить весь путь до Южного Атлантического океана, для того чтобы вернуться без боя. Должно было состояться столкновение, если флот хотел доказать свою действительность и необходимость".

Эти утверждения бывшего высокого сановника английского министерства обороны основываются на секретной документации, которая была ему доступна. Интересно, что еще два с половиной года тому назад, в "Нашей Стране" были высказаны тождественные предположения, на основании лишь объективного анализа общеизвестных данных, так как, конечно, тогда была полностью неизвестна теперь ставшая доступной информация.

В серии трех статей на тему "Мальвинские острова", в №№ 1669, 1670 и 1677, от 9 июля, 16 июля и 10 сентября 1982 года были освещены некоторые предпосылки этого конфликта, а также и выдвинуты четыре гипотезы его возникновения. Вот, что было написано тогда о заинтересованности британского флота в этом конфликте: "Лондонский корреспондент ведущей аргентинской демократической газеты "Ла Насион", в одной из своих ежедневных статей во время конфликта, затронул вопрос о заинтересованности британского адмиралтейства в принятии каких-то срочных мер для предотвращения дальнейших сокращений бюджета военно-морского флота Англии... В прошлом году, во время какого-то обеда, один английский адмирал прямо указал на необходимость вызвать морской конфликт колониального типа в отдаленных от Англии водах, без большого риска вызвать более широкое военное столкновение, но по своему характеру требующий мобилизации весьма большого количества военных кораблей. Такой конфликт мог бы явиться спасительным предлогом для предотвращения ликвидации английского флота в рамках увеличивающейся бюджетной экономии и его превращения в узко специализи-

рованную часть союзного флота НАТО. Такая версия не обязательно предполагает только лишь известное политическое вмешательство военно-морских кругов Англии в общую политику своей страны, но и допускает возможность ответного использования самим английским правительством этого вмешательства, для достижения окольным путем собственных целей, по психологически-демагогическим соображениям немогуших быть провозглашенными прямо и открыто". Дальше, в этой статье в № 1677 "Нашей Страны" говорилось о заявлении капитана королевского флота Николаса Бэркера, в которых он обвинял английское правительство в поощрении аргентинской высадки на Мальвинах 2 апреля 1982 года.

Не менее интересно, что уже тогда, в той же статье в "Нашей Стране", была предвосхищена во многом только теперь ставшая известной информация о английских методах психологической войны: "В этом отношении, англичане показали себя большими мастерами. Высоко развитая техника координации между ведомствами иностранных дел, обороны и разведки, при максимальном использовании не только всех вспомогательных инструментов английской политики (разных полугласных корпораций, рассеянных по всему миру), но и всей "масс-медиа", дала блестящие результаты. Во-первых, сама по себе мобилизация всех этих элементов выдержала полностью испытание. Во-вторых, оперативные цели были тоже полностью достигнуты: Аргентина буквально утонула в изливаемом на нее потоке лжи, дезинформации и злостной клеветы". (№ 1677).

П. НЕСТОРОВ

обращение

Собрание членов прихода буэносайресского Кафедрального Воскресенского Собора, состоявшееся 10 марта 1985 г., постановило обратиться письменно к членам прихода, у которых имеется задолженность в уплате членских взносов, с просьбой погасить этот долг.

Настоящее обращение вызвано производящимся ремонтом и покраской храма.

НОВАЯ ЦЕНА НА "НАШУ СТРАНУ" В АРГЕНТИНЕ

С 1-го апреля 1985 г. цена за один экземпляр "Нашей Страны" будет равняться 70 арг. песо.

Таким образом все расчеты, начиная с 1-го апреля 1985 г., как за предыдущие, так и за последующие номера "Нашей Страны", будут производиться по новой цене в 70 арг. песо.

Цены на газету в других валютах не меняются.

"НАША СТРАНА". Русская монархическая еженедельная газета. Основана 18 сентября 1948 И. Л. Солоневичем. Издатель: Михаил Киреев. Редактирует: Ред. Коллегия. Адрес: М. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires. Номер телефона М. Киреева: 89-0862. Статьи подписанные фамилией или инициалами не обязательно всегда выражают мнение редакции. Рукописи не возвращаются.

Цены за экземпляр газеты: Австралия - 0,80 ав. дол.; Германия - 1,80 н. м.; Франция - 5 фр.; Италия - 1100 лир; США - 0,80 ам. дол.; Аргентина - 50 песо. В остальных странах - 0,80 ам. дол. Цена объявлений: за 1 см. в 1 колонку - стоимость 3 экземпляров газеты в соответствующей валюте. Чеки и "моней ордер" выписывать на имя Miguel Kireeff с местом уплаты в США или Европе.

"NASHA STRANA" — "NUESTRO PAIS". Semanario monarquico ruso. Fundado el 18 de septiembre de 1948. Registro Nacional de Propiedad Intelectual No.: 949.917. Editor: M. Kireeff, Monroe 3578 — 11, 1430 Buenos Aires.

Correo ARGENTINO Franqueo pagado. Conces.No. 4233
Sucursal 30 (B) Interes general. Conces.No. 3980